

любви, своими пансіонскими мечтами о счастіи вдвоемъ подъ соломенной кровлей,—и еще болѣе скучная и несносная своими вѣчными жалобами, слезами и хныканьемъ. Уже перерогѣвшая въ страстяхъ, испытанная горемъ жизни и тяжкими страданіями, она, видя, что молоденькая дѣвочка сдѣлалась больна на смерть отъ любви къ тому, котораго она, Матильда, безъ памяти любитъ и которымъ она горячо любима, рѣшается на самое нелѣпое по его безплодности и самое опасное по его слѣдствіямъ самоотверженіе. Она возвращается добровольно къ своему мужу, трашному негодяю и развратнику, и притворяется, что опять любитъ его, а между тѣмъ своего благороднаго и платоническаго обожателя наводитъ на мысль—жениться на дѣвочкѣ. Тотъ вдвойнѣ въ отчаяніи—и оттого, что мечты его на счастье рушились, и оттого, что любимая имъ женщина оказалась, по его мнѣнію, весьма основательному, пошлой женщиной, ибо могла сойтись вновь съ негодяемъ, давно заслужившимъ галеры: скажите, до женитбы ли тутъ ему? И какъ въ этомъ положеніи навести его на подобную мысль. Но для Сю нѣтъ ничего невозможнаго; онъ храбръ—и не труситъ натяжекъ и неестественности, какъ дуракъ, герой его женится на дѣвочкѣ и сталъ счастливъ. Но общій ихъ всѣхъ врагъ тайно увѣдомилъ его жену, что она обязана своимъ замужествомъ самоотверженію Матильды,—и случилось то, что рано или поздно, такъ или иначе, а непременно должно было случиться, чѣмъ обыкновенно разрѣшаются подобныя самоотверженія: Эмма чахла, чахла да и умерла. Мы охотно соглашаемся, что безъ добраго и благороднаго сердца человѣкъ не можетъ быть способенъ на подобныя самоотверженія; но въ нихъ еще гораздо больше сердца участвуетъ экзальтированное воображеніе, глубоко скрытое самолюбіе, тайное желаніе рисоваться передъ другими и въ особенности передъ самимъ собою въ качествѣ героя добродѣтели. Такіе люди—враги своего и чужого счастья; даже и хорошія ихъ качества служатъ только ко вреду другихъ и ихъ самихъ больше всего. Вотъ какъ слѣдовало бы автору понять свою «Матильду»,—и на ея несчастной натурѣ, а не на злобѣ свѣта основать всѣ перенесенныя ею страданія. Тогда, можетъ быть, вышелъ бы болѣе или менѣе интересный романъ, а не скучная сказка.

Хуже всего даются Сю добродѣтельныя лица. Почти всегда они у него и неестественны до смѣшнаго, и приторны до отвратительности. Къ числу такихъ лицъ принадлежатъ де-Рошгюнь. Боже мой, что это за человѣкъ! Другъ бѣдныхъ и несчастныхъ, герой и левъ

на войнѣ, мудрецъ даже въ салонѣ—и такъ говорить, словно по книгѣ читаетъ, и никому не кажется смѣшнѣе! А еще больше портятъ романы Сю—преувеличеніе и театральные мелодраматическіе эффекты. Злодѣй его романа, Люгарто, еще довольно естествененъ самъ по себѣ, но его баснословное богатство, его всезнаніе чужихъ тайнъ и всемогущество въ преслѣдованіи многочисленныхъ жертвъ своихъ,—все это сильно отзывается арабскими сказками. Эффектовъ и *deus ex machina* въ «Матильдѣ»—бездна. Старуха Блондо, видя, что ея воспитанницу успѣли охладить къ ней, рѣшается умереть, выпрыгнувъ въ окно. Но это лицо необходимо автору въ дальнѣйшемъ развитіи романа: надо спасти его. Старуха начала прощаться съ своей восьмилѣтней питомицей, которая въ полночь спала крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ. Старуха цѣлуетъ ребенка, плачетъ и громко говоритъ монологъ самой себѣ, потомъ бѣжитъ къ окну; но не бойтесь: дитя проснулось и удержало самоубійцу на краю пропасти... Какъ это трогательно!.. Уже замужнюю Матильду врагъ ея, Люгарто, хитростью завлекаетъ въ уединенный домъ, гдѣ всѣ слуги подкуплены и гдѣ ей за ужиномъ подадутъ вино, въ которое всыпанъ сильный усыпляющій порошокъ. Оставшись одна, она начинаетъ чувствовать дѣйствіе порошка; является къ ней ея палачъ и объявляетъ ей, что намѣренъ ее обезчестить... Но не бойтесь: вотъ вламываются ея защитники и мстители, и начинается мелодрама, достойная армарочныхъ балагановъ...

Одно лицо въ «Матильдѣ» очерчено съ талантомъ: это старая мать Семерена, мужа Уреулы; даже и эти два лица довольно не дурны; но съ первымъ пріятно было бы встрѣтиться даже и не въ такомъ романѣ, какъ «Матильда».

«Сынъ Тайны»—замѣчательный романъ во многихъ отношеніяхъ. Когда модное платьѣ франта красуется на его лакеѣ,—явный знакъ, что оно уже не модное, что мода смѣнилась. Когда бездарные писаки употребляютъ въ какомъ-нибудь модномъ родѣ литературы не хуже тѣхъ талантливыхъ писателей, которые ввели его въ моду,—явный знакъ, что этотъ родъ литературы или палъ, или близокъ къ паденію. «Сынъ Тайны» доказываетъ, что на модные романы уже сочинена риторика, и ихъ съ отличнѣйшимъ успѣхомъ можно писать по рецепту. У Поля Феваля нѣтъ ни ума, ни воображенія, ни страсти, ни этого мастерства увлекательно рассказывать даже вздоры, которымъ такъ владѣютъ французы и въ которомъ больше всего заключается тайна успѣха ихъ нетѣпыхъ романовъ. Въ романѣ Поля Феваля не встрѣти-